

---

Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. М., Терра, 1994.

OCR Бычков М.Н.

---

За окном расстилались поля. Рыжие зеленые и черные полосы тянулись одна рядом с другой, уходили вдаль и сливались там в тонкое кружевное марево. Было так много света, воздуха и безбрежной пустоты, что становилось тесно в своем собственном узком, маленьком и тяжелом теле.

Доктор стоял у окна, смотрел на поля и думал:

"Ведь вот..."

Смотрел на птиц, которые быстро и легко уносились вдаль, и думал:

"Летят!..."

Но на птиц ему было легче смотреть, чем на поля. Он сумрачно наблюдал, как они уменьшались и таяли в голубом просторе, и утешал себя:

"Не улетите... не здесь, так в другом месте... все равно сдохнете!..."

А радостно зеленеющие поля наводили на него уже полную тоску, томительную и безнадежную. Он знал, что это уж – вечно.

"Все это необыкновенно старо! – сердито перебивал он свои мысли. – Это еще когда сказано: "И пусть у тробового входа... красую вечною сиять... равнодушная природа..." Это уже даже пошло!... Даже глупо думать об этом! Я всегда считал себя гораздо умнее и... впрочем, все это пустяки... Да... это совершенно все равно, что бы я ни думал... все равно: не в том дело, что я по этому поводу подумаю".

Страдальчески морщась и подергивая головой, доктор отошел от окна и стал тупо смотреть на белую стену.

В голове его, совершенно помимо его воли и сознания, рождались, всплывали, как пузырьки воздуха в мутной воде, лопались и расплывались быстро одна за другой те самые мысли, которые в последнее время стали обычными для него. Именно в последнее время, после того как в день своего рождения он вдруг понял, что ему уже шестьдесят пять лет и что теперь уже наверное он скоро умрет. То нездоровье, которое он чувствовал перед тем целых две недели, еще больше напомнило ему о неизбежной необходимости пережить ту минуту, о которой он и раньше без замирания сердца не мог думать.

"А ведь будет, будет... одна эта сотая секунды, когда настанет самый перелом!... По эту сторону секунды – жизнь, я, а по ту – уже ничего... так-таки совершенно ничего?... Не может быть!... Тут какая-нибудь ошибка!... Ведь это "чересчур" ужасно..."

А теперь он уж совершенно ясно понял, что никакой ошибки нет, что вот-вот и начнется это.

И каждый раз, когда у него заболела голова, грудь или желудок, когда ноги или руки были слабее обычного, ему приходило в голову, что именно теперь он начинает умирать. И эта мысль была очень проста, совершенно вероятно и потому нестерпимо ужасна.

Но самое мучительное началось тогда, когда он, вообще мало и невнимательно читавший, прочел в одной книге ту мысль, что как ни велико разнообразие в природе, а все-таки рано или поздно комбинация должна повториться и создать такое же существо и даже то самое положение дел. В первую минуту ему даже стало как будто легче, но уже в следующее мгновение он пришел в бешенство.

"Ну да... комбинация... ничто не ново под солнцем... так... я очень хорошо знаю, что позади меня такая же вечность, как и впереди; значит, я сам теперь – только повторная комбинация... А ведь я ровно ничего не помню о первой комбинации... и выходит, что дело не во мне, а в комбинации!..." Как же это?... Ведь я чувствую, как неизмеримо важно то, что, я живу, как это мучительно и прекрасно... ведь все, что я вижу, слышу, нюхаю даже, существует для меня только потому, что я вижу, слышу, нюхаю... потому что у меня есть глаза, уши, нос... Значит, я – громаден, я помещаю в себе все и сверх того еще страдаю!... И вдруг комбинация!... О, черт!... Какое мне дело до комбинации, будь она проклята!... Это же нестерпимо... ужасно... быть только повторяющейся, с известным промежутком времени, комбинацией!..."

И доктор чувствовал страшную, неутолимую ненависть к тому воображаемому человеку, который там, когда-то, будет таким, как он.

"А ведь это так и будет: повторяются же мысли человеческие, и как еще